

Д.А. Жерноклеев
© Жерноклеев Д.А., 2021

БАХТИН О ФЛОБЕРЕ: ПОЭТИКА «ОТРИЦАЮЩЕГО ОБРАЗА»

Аннотация. Статья посвящена анализу малоизученного текста Бахтина «О Флобере». Доказывается тезис об апофатическом прочтении Флобера Бахтиным. Главным из всех романов Флобера для Бахтина является «Искушение святого Антония», через его аскетическую эстетику он рассматривает все творчество французского писателя. Неожиданной темой становится обсуждение роли животных у Флобера. С образом зверя, который Бахтин называет неосознанным центром всей мысли писателя, у Бахтина связана принципиально отличающаяся от эгоцентричного сочувствия проблема жалости. Примером жалостливого события с животным и растительным миром и становится флоберовский св. Антоний: забывая себя, он ищет единения с самой материей жизни.

Ключевые слова: Бахтин; Флобер; Рабле; Достоевский; карнавал; модерн; апофатика; образ; литература; философия; религия.

Получено: 20.08.2021

Принято к печати: 14.09.2021

Информация об авторе: *Жерноклеев* Денис Александрович, доктор философских наук, старший преподаватель, Вандерbiltский университет, Нэшвилл, Теннесси, 37235, США.

E-mail: denis.zhernokleyev@vanderbilt.edu

Для цитирования: *Жерноклеев Д.А.* Бахтин о Флобере: поэтика «отрицающего образа» // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). С. 166–178. DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.10

Denis A. Zhernokleyev
© Zhernokleyev D.A., 2021

BAKHTIN ON FLAUBERT: THE POETICS OF THE “ALL-NEGATING IMAGE”

Abstract. The article analyzes a lesser-known text of Mikhail Bakhtin’s “On Flaubert”. While this inquiry pays particular attention to the significance of Bakhtin’s carnivalesque reading of Rabelais for his reading of Flaubert, it also treats the fragment in the broader context of Bakhtin’s philosophy. The article argues that Bakhtin’s approach to Flaubert is apophatic in nature. For Bakhtin, *The Temptation of Saint Anthony* is the most important text of Flaubert, and through its ascetic aesthetic, he interprets all other novels of Flaubert. The significance of animals in Flaubert emerges as an important theme for Bakhtin, who believes the image of the beast constitutes the unconscious center of Flaubert’s thought. The topic of the beast leads Bakhtin to the theme of pity, which for him is fundamentally different from the sentimentalized and thus inevitably self-centered compassion.

Keywords: Bakhtin; Flaubert; Rabelais; Dostoevsky; carnival; modernity; apophasis; image; literature; philosophy; religion.

Received: 20.08.2021

Accepted: 14.09.2021

Information about the author: Denis A. Zhernokleyev, DSc in Philosophy, Senior Lecturer, Vanderbilt University, Nashville, Tennessee, 37235, USA.

E-mail: denis.zhernokleyev@vanderbilt.edu

For citation: Zhernokleyev, D.A. “Bakhtin on Flaubert: The Poetics of the ‘All-negating Image’”. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(54), 2021, pp. 166–178. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2021.54.10

Предметом анализа в данной статье является малоизученный текст Бахтина, неопубликованный автором и изданный в пятом томе полного собрания сочинений под данным ему редакторами заглавием «О Флобере» [2]. Этот небольшой конспект можно было бы рассмотреть как программу так и не написанного Бахтиным монографического изучения Флобера. При чтении фрагмента, однако, становится ясно, что формально-филологического интереса к творчеству Флобера у Бахтина нет. Как и в случае с Рабле и Достоевским, на базе Флобера Бахтин проговаривает свое собственное видение мира, постепенно погружая флюберовский текст в вихре-

вое движение своей мысли. И текст Флобера отзывается, начинает взаимодействовать с мыслью Бахтина.

Целью данной статьи является определение основной тенденции мысли Бахтина в намечаемом им прочтении Флобера. Подсказкой нам здесь служит отрывок из не вошедших в основной текст, но приведенных редакторами в комментариях, попутных записок Бахтина. Судя по тому, что записи сделаны на тех же листах и теми же чернилами, что и основной текст, есть все основания рассматривать их как важную часть разработки Бахтиным флюберовской темы. Записки еще более схематичны, чем основной текст, включают в себя множество библиографической информации. Местами, однако, Бахтин здесь выгодным для нас образом сводит воедино базовые тезисы своего подхода к Флюберу. Вот эти тезисы:

«К проблеме реалистического образа. Типы и разновидности реалистического образа. Понятие «критического реализма» и его проблематика. Проблема **художественного отрицания. Отрицающий образ.** [...] Индивидуализующая и типизирующая деталь. Любовь – любование, как основа детализации (индивидуализующей). Описания и номинации у Флобера. Реальность как сфера среднего, типического. Бесформенность штатского человека. Флюбер выдвигает **не отрицательные качества, а пустоту и ничтожность положительного.** Проблема пошлости. Проблема настоящего **как принципиально отрицательного и смешного.** Такова реальность в аспекте настоящего. Отсутствие топографического осмысливания, нет универсализующих координат» [2, т. 5, с. 494] (здесь и далее выделено мной, подчеркнуто автором. – Д. Ж.).

Сразу обратим внимание на повторяемое здесь Бахтиным слово «отрицание». На наш взгляд, оно является ключевым и используется Бахтиным в роли определения флюберовского реализма. «Реалистический образ» Флобера по Бахтину есть «отрицающий образ», и основан он на понимании настоящего как «принципиально отрицательного». На отрицании чего же в настоящем времени, по убеждению Бахтина, базируется «отрицающий образ» у Флобера? Ответ на этот фундаментальный вопрос мы находим в следующей цитате уже из самого фрагмента «О Флюбере»:

«Разная оценка движения вперед: оно мыслится теперь как чистое, бесконечное, беспредельное удаление от начал, как чистый и безвозвратный уход, удаление по прямой линии. Таково же было и представление пространства – **абсолютная прямызна**» [2, т. 5, с. 135].

В данном отрывке речь идет об отрицании линейности – абсолютной прямызны мышления – происходящей из онтологически неверного восприятия реальности. Такое фундаментальное отрицание метафизики просвещения – «мысли теперь» – не является новым у Бахтина. Радикальный отказ от онтологии линейного времени мы находим уже в отрицании Бахтиным актуальности сюжета у Достоевского. Диалог как «основное событие» романов Достоевского «не поддается сюжетно-прагматическому истолкованию», так как линейная логика «предметного или психологического порядка» в мире Достоевского является фундаментально «недостаточной» [2, т. 6, с. 11]. Недостаточность сюжета у Достоевского нельзя понимать как несовершенство какой-то конкретной сюжетной линии или даже типов сюжета. Речь здесь идет о фундаментальном отказе Достоевского от сюжетного мышления как такового.

Учитывая важность романной формы для философии Бахтина, его радикальное отречение от сюжета справедливо может показаться странным. Возникает вопрос, а не является ли литература нового времени, и особенно роман, принципиально линейной формой повествования, так или иначе зависящей от сюжета? Если Бахтина не интересует линейное время, то зачем он пытается выразить свое мировоззрение на примере романов нового времени? Ведь и Рабле, и Достоевский, и тем более такой модернистский автор, как Флобер, доведший романную прозу до небывалых высот стилизации, в той или иной степени являются авторами романов именно нового времени [9].

Ответ на поставленные вопросы, как нам кажется, может быть только один. Как литературный жанр, роман нового времени, безусловно, является линейной формой и вне своей зависимости от сюжета не может быть осмыслен [6]. Но именно поэтому роман как жанр не интересует Бахтина. Если Бахтин и говорит в своих трудах о «становлении» романного жанра, то становление интересует его не в аристотелевском смысле сюжетного раскрытия некой

уже заданной своей конечностью истории. Незавершенность и принципиальную незавершаемость *диалогичности* Бахтин прямо противопоставляет «завершенной» и «исчерпанной» в своей органической целостности поэтике Аристотеля [2, т. 3, с. 610]. Роман интересует Бахтина, по меткому определению Гаспарова, как «стихия хаотичная, кипящая и неоформившаяся» [3, с. 35]. В динамике становления этого «пластичнейшего из жанров» [2, т. 3, с. 615] Бахтин находит для себя возможность творческой переориентации движущейся литературной массы в иные онтологические координаты. Такое чудесное переосмысление романа Бахтин называет «радикальной переакцентуацией» или «преображением» [2, т. 3, с. 163]. Отсылка к фаворскому свету здесь не случайна и указывает на божественную природу той иной онтологии, в которую Бахтин погружает выхваченный им из линейной онтологии нового времени роман [15].

Угроза сползания литературной массы обратно в линейность никогда не исчезает. Кипящая масса романа нового времени подвержена затвердеванию. Поэтому переакцентуация Бахтина включает в себя непрерываемый акт разрушения сюжетности: «Разъятие, разрывание, расчленение на части, разрушение целого как первофеномен (*Urphänomen*) человеческого движения – и физического, и духовного (мысль)» [2, т. 5, с. 135]. Важно не спутать бахтиновское «расчленение» с некой перезагрузкой или перестановкой материала. Речь здесь не идет о процессе разборки сюжета на фрагменты с целью пересобрать их в иной, эстетически улучшенной линейной последовательности. Также не стоит путать бахтиновское расчленение с деконструкцией Деррида, которая является всего лишь диалектической противоположностью конструированию / структурированию, а значит, не более чем вспять направленной линейностью. Расчленение, предлагаемое Бахтиным, есть апофатический выход в иную онтологию, попытка быть / существовать в настоящем без убления в будущее или прошлое:

«Художественный и мыслительный жест расчленения на части, противоположный дистанцирующему, отдаляющему, оцеляющему и героизирующему эпическому жесту (движению сознания), относящему в абсолютное прошлое, увечняющему жесту» [2, т. 5, с. 137].

И дабы мы не приняли расчленение за риторический прием, за всего лишь диалектическую игру положительных и отрицательных утверждений, Бахтин уточняет: «Это нельзя сводить к противоположности анализа и синтеза: и анализ, и синтез нового времени одинаково лежат в сфере расчленяющего сознания» [2, т. 5, с. 137]. Расчленяющее сознание постулируется Бахтиным как модальность существования вне поля действия синтезирующих процессов сюжета. Так как *бытие* у Бахтина всегда вненаходимо сюжетной реальности, то *событие* – диалогическое раскрытие сюжета бытию – достигается через непрерывное расчленение сюжетной целостности. Такая глубинная связь расчленения с событием позволяет Бахтину назвать расчленяющее сознание «творящим сознанием» [2, т. 5, с. 132].

Выбор Бахтиным Флобера для осуществления своей творческой переакцентуации романа не случаен. Во флюберовском увлечении разложением сознания Бахтин видит не духовный разврат, а духовность «разъятого на части тела» Рабле. Немаловажным для Бахтина является тот факт, что сам Флобер глубоко ценил Рабле. Как замечают в своих комментариях к «О Флобере» редакторы, Бахтин, по всей видимости, и приступает к разработке проблемы Флобера в контексте переработки своей книги о Рабле [2, т. 5, с. 495]. Карнавальная реальность Рабле, по мнению Бахтина, становится онтологическим основанием поэтического мышления Флобера. Метафизическая особенность Рабле для Бахтина в том, что его проторенессансная эстетика, с одной стороны, предвосхищает натурализм модерна, а с другой стороны, остается укорененной в средневековом, а значит, сакральном мироощущении. Именно эта евхаристическая укорененность средневековой реальности, ярчайшим проявлением которой для Бахтина является св. Франциск Ассизский, дает Бахтину уверенность в том, что ломимое гротеском тело реальности не рассыплется на фрагменты натуралистического сюжета, но и в своей раздвоенности – «двутелесности» – продолжит удерживаться вневременной реальностью воскресения. Пунктиром через все рассуждения Бахтина о Рабле проходит напоминание о том, что карнавальная смех – есть смех пасхальный (*risus paschalis*) [1].

Сакраментальная эстетика проторенессанса распространяется и на прочтение Бахтиным Достоевского. Именно как часть пе-

реработки своей книги о Достоевском Бахтин разрабатывает тему «О спиритуалах», обновленческом течении внутри францисканского ордера, ищущих возвращения к заповеданному св. Франциском глубинному единению со страждущей природой в Святом Духе [2, т. 6, с. 368–370]. Именно через «сложные сочетания карнавальности с сентиментализмом», а не через прямолинейный в своем психологическом натурализме сентиментализм романтизма Бахтин предлагает рассматривать «слезный аспект мира» Достоевского [2, т. 6, с. 520]. Пропитанный пасхальной эстетикой проторенессанса Достоевский Бахтина, однако, корнями уходит к древнегреческой трагедии Софокла. Трагичность Достоевского Бахтин продолжает понимать через двутелость карнавала Рабле, а не через «осюжеченный» – линейно развивающийся к своему финалу – трагизм Аристотеля [2, т. 4(1), с. 681–731].

Если Рабле Бахтина принадлежит францисканскому Средневековью, а Достоевский – софокловской трагедии, то Флобер Бахтина устремлен к аскетизму раннехристианской литературы. Совсем не случайно записки Бахтина о Флобере начинаются с упоминания романа «Искушение св. Антония»: «Картина Брейгеля «Искушение св. Антония» как источник Флобера: смешанное тело, стирание границ, идея вечно обновляющейся материи» [2, т. 5, с. 130]. Бахтин здесь имеет в виду свидетельство самого Флобера о том, что замысел «Искушения св. Антония» зарождается у него под впечатлением от увиденной им в 1848 г. в Генуе в палатце Бальбо картины Питера Брейгеля Младшего («Адского») [2, т. 5, с. 497]. Флобер приступает к написанию и переписке романа трижды: в 1848–1849, 1856 и 1870–1872 гг. Полностью роман был издан только в 1874 г. Почти тридцатилетняя посвященность Флобера «Искушению св. Антония» не просто делает этот роман трудом всей его жизни, но и выделяет на фоне всех остальных работ писателя. Мишель Фуко сравнивает роль этого текста в жизни Флобера с ролью «ритуала, очищения, молитвенного упражнения» [12, с. 10]. Опираясь на цитату из Эмиля Золя, похожую мысль высказывает в своей работе о Флобере и Павел Флоренский: «Он вступил в литературу, как в былые времена поступали в какой-нибудь монашеский орден, чтобы сосредоточить в нем все свои радости, чтобы в нем умереть» [11, с. 494].

Бахтин также чувствует аскетическую направленность «Искушения св. Антония». Для Бахтина существует два Флобера: Флобер «Мадам Бовари» и Флобер «Искушения св. Антония» (можно сюда добавить повести «Иродиада» и «Легенда о Юлиане Странноприимце»). Бахтин рассматривает все романы Флобера в динамике их устремленности к пустынной эстетике «Искушения св. Антония». Такой подход Бахтина к Флоберу нам кажется обоснованным. Если в «Мадам Бовари» (1857) проза Флобера полагается на эстетическое равновесие, то уже в «Саламбо» (1862) Флобер стремится к преодолению эстетства. Для того чтобы вывести свою прозу из логики любования, Флобер подвергает текст очистительной практике “*gueuloir*” [от слова *gueuler* “гортанный крик, рев, рычание”] – иступленному до гортанной крови выкрикиванию текста до тех пор, пока слова не придут в соответствие с гортанным звуком, а ритм прозы не сольется с дыханием тела [14, с. 10–11]. Взглянув на “*gueuloir*” Флобера через онтологию «звукового образа» Бахтина, несложно увидеть в ней попытку вывода прозы за пределы логоцентричного пространства сюжета в фоническое пространство тона, где слова обретают способность сосуществовать иначе.

Флоберовская практика “*gueuloir*” интересным образом подкрепляет неожиданное утверждение Бахтина о том, что «образ зверя – неосознанный центр художественного мира Флобера» [2, т. 5, с. 132]. Речь, конечно, идет не просто о знаменитых описаниях чудесного черного оленя в «Легенде о св. Юлиане» или попугая в «Простом сердце». За этими и другими гротескными образами зверей у Флобера Бахтин находит не натурализм, а то, что он называет «элементарной жизнью» или «элементарным бытием»: «Невинность и незащитность элементарного бытия, оно создано, оно невинно в своем «есть», безответственно за свое бытие; не оно себя создало и оно не может спасти себя самого (его нужно жалеть и миловать)» [2, т. 5, с. 133]. Как в «своеобразном возрождении или обожествлении зверей», так и в «охоте и растерзании зверей» Бахтин видит попытку Флобера «уловить наиболее элементарный аспект жизни, ее первофеномен». Флобер ищет истинную «жалость к биологическому минимуму жизни», которая радикально отличается от всегда эгоцентричного сочувствия, провоцируемого сентиментальностью нового времени [7]. Речь идет о «древней

жалости», той, что не была «психологизирована» и «одомашнена» [2, т. 5, с. 131]. Это не та жалость, которую пытается спровоцировать в Алёше Иван Карамазов и на которой он основывает свое требование высшей справедливости. Главная характеристика «древней жалости» – это «ее абсолютная нетребовательность». В противовес «буржуазной» жалости Ивана Карамазова, выстроенной на «иллюзиях и разочаровании», Бахтин планировал разработать проблему жалости у Шопенгауэра. Тема жалости у Шопенгауэра весьма обширна, и сложно точно сказать, что именно в его мысли хотел подчеркнуть Бахтин. Правильным кажется предположение авторов комментариев к «О Флобере» о том, что отправной точкой для Бахтина здесь служат размышления Шопенгауэра о словах Ап. Павла в Послании к Римлянам (Рим. Гл. 8:19, 22–23): «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих... Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне и не только [она], но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего» [2, т. 5, с. 500]. Понятия жалости, искупления и страдания понимаются Бахтиным в радикально неморалистическом – «надюридическом» – плане [2, т. 4(1), с. 687]. Убийство отца сыном, плач ребенка и растерзание зверя рассматриваются Бахтиным не с точки зрения всегда снисходительного в своей привилегированной позиции сочувствия, а с точки зрения стенания единого гротескного тела природы, в которой нет иерархии осознания своего страдания, а потому нет и требования справедливости. Жалость, по Бахтину, есть не чувственный инструмент осмысления страдания, всегда самореферентный, а само бессознательное бытие жизни. «Жалость относится именно к животному началу в человеке, ко всяческой «твари» и к человеку, как твари; к духовному, надтварному, свободному началу (там, где человек не совпадает с самим собою, со своим «есть») относится любовь» [2, т. 5, с. 133]. Устремленность к такому милующему / жалующему событию с природой – к любви, согласно Бахтину, движет мироощущением Флобера. Через абсурдизацию читательского сострадания к Эмме Бовари Флобер Бахтина уничтожает «интеллектуальную слабость, глупость и пошлость» всего буржуазного сентиментализма [2, т. 6, с. 400]. Истинная жажда любви присуща не Эмме, а св. Антонию, кото-

рый, забывая себя, ищет через растворение в животном и растительном мире единения с самой материей жизни:

«О счастье! счастье! я видел зарождение жизни, я видел начало движения! Кровь в моих жилах бьется так сильно, что она сейчас прорвет их. Мне хочется летать, плавать, лаять, мычать, выть. Я желал бы обладать крыльями, чешуею, корой, выдыхать пар, иметь хобот, извиваться всем телом, распространиться повсюду, быть во всем, выделяться с запахами, разрастаться как растения, течь как вода, трепетать как звук, сиять как свет, укрыться в каждую форму, проникнуть в каждый атом, погрузиться до дна материи, – быть самой материей!» [10, с. 200].

Удается ли св. Антонию прорваться к чистому событию жизни или преодоление себя является всего лишь галлюцинацией? Проблема искушения в «Искушении св. Антония» у Бахтина не затронута, в то время как у Флобера она ключевая [8]. Последнее восклицание св. Антония – «Être la matière!» («Быть самой материей!») – наделяет весь роман сложнейшей иронией [13]. Так, Фуко в нем слышит не триумф, а момент столкновения св. Антония с самым серьезным искушением – желанием подменить собой другого: «Быть другим, быть всеми другими сразу, чтобы все началось заново, добраться до начала времен, замкнуть цикл возвращений – вот вершина искушения» [12, с. 33]. Мир Бахтина не знает опасности солипсизма, в романе Флобера такая опасность реальна. Сознание св. Антония, порождающее бесконечный ряд фантазмов, угрожает не просто свести его с ума, но, что гораздо опаснее, подменить основы его христианской веры. Под угрозой само понимание того, что есть материя. Внушая св. Антонию пантеистический монизм Спинозы, дьявол нацелен на подрыв христианского учения о боговоплощении [5]. Бог Спинозы отождествляется с природой, сливаясь с ней в одну субстанцию; материя становится причиной самой себя (*causa sui*). Принятие такого мировоззрения для жаждущего раствориться в материи св. Антония чревато духовной катастрофой.

В отличие от модернистского мира Флобера карнавальный телесный мир Бахтина не испытывает угрозы материализма. Именно поэтому Бахтин не боится гротеска. Всеобъемлющее отрицание Бахтина апофатично и потому свободно от эпистемологической тревожности [4]. Апофатику восточного христианства, на

которую сознательно или нет опирается Бахтин, нельзя путать с агностицизмом. Для агностицизма божественная реальность даже если и допустима, то только как абсолютно недостижимая для телесного мира. Согласно же апофатическому мировоззрению Бахтина божественное присутствие полностью пронизывает собой телесный мир, никогда не растворяясь в нем. На такой божественной эпистемологии «неслеянного и нераздельного» Бахтин постулирует в своем тексте «О Флобер» понятие «отрицающий образ».

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 7–19.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) тт.]. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 1996–2012.
3. *Гаспаров М.Л.* М.М. Бахтин в русской культуре XX века : в 2 т. // Михаил Бахтин: Pro et Contra / под ред. К.Г. Исупова Т. 2. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 2002. С. 33–36.
4. *Исупов К.Г.* Апофатика М.М. Бахтина: тезисы к проблеме // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1997, № 3. С. 19–31.
5. *Кузнецов В.Г.* Пантеизм в художественном творчестве Гюстава Флобера // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 81–90.
6. *Лотман Ю.М.* Происхождение сюжета в типологическом освещении // Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 224–242.
7. *Махлин В.Л.* В зеркале неабсолютного сочувствия // Михаил Бахтин: Pro et Contra. Том 2. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2002. С. 306–324.
8. *Модина Г.И.* Мотив искушений в драме Флобера «Искушение святого Антония» // Flaubert. 19 January 2009. URL: <http://journals.openedition.org/flaubert/622> (дата обращения: 08.08.2021).
9. *Пумпянский Л.В.* Тургенев и Флобер // Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 489–505.
10. *Флобер Г.* Испытание святого Антония (1874) (Пер. М.А. Петровского) // Собрание сочинений. Том 4. М.: Художественная литература, 1937. С. 44–200.

11. *Флоренский П.* Антоний романа и Антоний предания // Св. Павел Флоренский. Сочинения : в 4 т. Том 1. М.: Мысль, 1994. С. 490–527, 736–739.
12. *Фуко М.* Фантастическая библиотека. Об «Искушении святого Антония» Гюстава Флобера. Перевод Я. Ямпольской. Москва: ЦЭМ, V-A-C Press, 2018. 48 с.
13. *Bernheimer C.* “Être la matière!”: Origin and Difference in Flaubert’s “La Tentation de saint Antoine” // *Novel: A Forum on Fiction*. 1976. Vol. 10 (1). P. 65–78.
14. *Fried M.* Flaubert’s “Gueuloir”: On *Madame Bovary* and *Salammbô*. New Haven: Yale University Press, 2012. 184 p.
15. *Lock C.* Bakhtin and the Tropes of Orthodoxy // *Bakhtin and Religion: A Feeling for Faith* / ed. Susan M. Felch and Paul J. Contino. Evanston: Northwestern University Press, 2001. P. 97–119.

References

1. Averintsev, S.S. “Bakhtin, smekh, khristianskaya kultura” [“Bakhtin, laughter, Christian culture”]. *M.M. Bakhtin kak filosof [M.M. Bakhtin as a philosopher]*. Moscow: Nauka Publ., 1992, pp. 7–19. (In Russ.)
2. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii [v 6 (7) t.] [Collected Works : in 6 (7) vols]*. Moscow: Russkie slovari Publ.; Yazyki slavyanskoï kul’tury Publ., 1996–2012. (In Russ.)
3. Gasparov, M.L. “M.M. Bakhtin v russkoi kulture XX veka” [“M.M. Bakhtin in Russian XX-century culture”]. *Mikhail Bakhtin: Pro et Contra* : in 2 vols, ed. by K.G. Isupov. St Petersburg: Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut Publ., 2002, vol. 2, pp. 33–36. (In Russ.)
4. Isupov, K.G. “Apopatika M.M. Bakhtina: tezisy k probleme” [“Apophatism of M.M. Bakhtin: the outline of the problem”]. *Dialog. Karnaval. Khronotop [Dialogue. Carnival. Chronotope]*. 1997, vol. 3, pp. 19–31. (In Russ.)
5. Kuznetsov, V.G. “Panteizm v khudozhestvennom tvorchestve Gustava Flobera” [“Pantheism in the art of Gustave Flaubert”]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 2018, no. 16 (811), pp. 81–90. (In Russ.)
6. Lotman, Yu.M. “Proiskhozhdenie siuzheta v tipologicheskom osveshchenii” [“The Origin of Plot in the Light of Typology”]. *Izbrannye stat’i [Collected Essays]* : in 3 vol. Vol. 1. *Stat’i po semiotike i tipologii kul’tury [Essays on semiotics and typology of culture]*. Tallinn: Aleksandra Publ., 1992, pp. 224–242. (In Russ.)
7. Makhlin, V.L. “V zerkale neabsolutnogo sochuvstviya” [“In the mirror of the not unconditional sympathy”]. *Mikhail Bakhtin: Pro et Contra* : in 2 vols, ed. by

- K.G. Isupov. St Petersburg: Russkii Khristianskii gumanitarnyi institut Publ., 2002, vol. 2, pp. 306–324. (In Russ.)
8. Modina, G.I. “Motiv iskushenii v drame Flobera ‘Iskushenie Svyatogo Antoniya’” [“The topic of temptation in Falubert’s drama *The Temptation of St. Anthony*”]. *Flaubert*. 19 January 2009. Available at: <http://journals.openedition.org/flaubert/622> (date of access: 08.08.2021). (In Russ.)
 9. Pumpiansky, L.V. “Turgenev i Flober” [“Turgenev and Flaubert”]. *Klassicheskaya traditsiya: sobranie trudov po istorii russkoi literatury* [Classical tradition: collected works on the history of Russian literature]. Moscow: Yazyki russkoi kultury Publ., 2000, pp. 489–505. (In Russ.)
 10. Flober, G. “Iskushenie sviatogo Antoniya” (1874) [“The Temptation of St. Anthony” (1874)] (transl. by M.A. Petrovsky). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1937, pp. 44–200. (In Russ.)
 11. Florenskii, P. “Antonii romana i Antonii predaniya” [“Anthony of the novel and Anthony of the tradition”]. *Sv. Pavel Florenskii. Sochineniya* [Collected Works]: in 4 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl’ Publ., 1994, pp. 490–527, 736–739. (In Russ.)
 12. Foucault, M. *Fantasticheskaya biblioteka. Ob “Iskushenii svyatogo Antoniya” Gyustava Flobera* [Fantastic library. On “Temptation of St. Anthony” by Gustave Flaubert]. Transl. by Ia. Ianpolskaia. Moscow: TsEM, V-A-C Press Publ., 2018, 48 p. (In Russ.)
 13. Bernheimer, C. “Être la matière!”: Origin and Difference in Flaubert’s “La Tentation de saint Antoine”. *Novel: A Forum on Fiction*, 1976, vol. 10 (1), pp. 65–78. (In English)
 14. Fried, M. *Flaubert’s “Gueuloir”: On Madame Bovary and Salammbô*. New Haven: Yale University Press, 2012. 184 p. (In English)
 15. Lock, C. “Bakhtin and the Tropes of Orthodoxy”. *Bakhtin and Religion: A Feeling for Faith*, ed. Susan M. Felch and Paul J. Contino. Evanston: Northwestern University Press, 2001, pp. 97–119. (In English)